

127 лет назад из-под пера видного ученого, писателя и философа-позитивиста Михаила Михайловича Филиппова вышел в свет роман «Осаждённый Севастополь».

Этот невероятно всесторонне одарённый русский самородок унёс с собой в могилу некую тайну вселенского масштаба, и у меня нет сегодня ни грана сомнения в том, что в основе побудительных истоков его научного и по сей день не разгаданного потомками, поистине апокалипсического по сути открытия лежат печальные выводы о необходимости раз и навсегда избавиться человечеству от ужасов глобальных войн. Выводы, которые были заложены писателем в корневую систему осмысления итогов Крымской кампании по кальке романа «Осаждённый Севастополь».

Почему же сейчас в севастопольском своде достаточно большого числа издающихся литературно-исторических изысканий очень редко встречается тема исследования феномена книги «Осаждённый Севастополь»? На этот вопрос, как уже упоминалось, нет ответа. В качестве иллюстрации нашего тезиса обратимся к самому фундаментальному научному изданию начала XXI века, посвящённому Восточной (Крымской) войне 1853-1856 годов, в частности, первой героической обороне Севастополя.

Речь идёт о монографии «Достойный поклонения», изданной в Севастополе по заказу местных властей в год 150-летия главного масштабного события самой первой по значимости в истории европейских государств кровавой бойне, которую отдельные аналитики склонны относить к разряду предтечи всех мировых войн с таким числом воюющих государств, с такими потерями, с такой обширной географической амплитудой сражений.

Так вот, в разделе этой монографии под заглавием «Увековечение памяти защитников Севастополя» сообщается, в частности, о том, что к 50-летию подвига города-героя было «издано много книг по истории обороны, воспоминаний, альбомов и путеводителей». Указаны, конечно, заслуживающие уважения исследования А. Зайончковского, А. Погосского, Клавдии Лукашевич, А. Маркевича. Однако фамилия М. М. Филиппова там отсутствует, как, впрочем, нет в наличии и двух других авторов, без выкладок которых анализировать и сопоставлять реалии Восточной (Крымской) войны просто непозволительно. Речь идёт о фундаментальных трудах Е. Тарле и Н. Дубровина...

Пройдет время, и наши потомки, вне сомнения, по достоинству оценят книгу Филиппова «Осаждённый Севастополь». Хотя бы потому, что обычный добротный исторический роман по востребованности охватывает читательскую аудиторию в разы большую, нежели (увы, «колорит» жанра!) любое, самое что ни на есть распрекрасное научное исследование. Тому пример – романы В. Пикуля. И то, что в художественном эпосе Филиппова присутствует и любовная коллизия, делает его книгу более доступной и желанной для самых широких читательских масс.

Настала пора, согласимся, приоткрыть чисто человеческие достоинства и обозначить биографические вехи автора «Осаждённого Севастополя», этого необычайно талантливого человека, наделённого поистине феноменальными способностями в самых различных сферах науки и культуры. Его по праву называют последним русским учёным-энциклопедистом XIX и XX веков.

Михаил Филиппов увидел свет в 1858 году на Украине, в селе Осокино Киевской губернии, в семье сельских интеллигентов. В его студенческом «ранце» – диплом физмата Новороссийского университета в Одессе, юрфака Петербургского университета, аттестат слушателя химической кафедры Гейдельбергского университета. Стажировку М. М. Филиппов прошёл в Париже, у известного на всю Европу химика Бертелло, получив звание доктора натуральной философии. Этот удивительный человек владел 12 языками, в т. ч. тремя древними, в частности, этрусским, на которых в то время свободно изъяснялись, может статься, от силы 10-15 землян.

Диапазон интересов М. М. Филиппова заслонял, кажется, все умозрительные горизонты. Более 500 работ по тематике философии, химии, физики, механики небесных тел, литературоведения, медицины, наконец, успешная писательская стезя,

талант публициста – вот далеко не полный перечень тех областей знаний из копилки человечества, в которых М. М. Филиппов вполне закономерно может претендовать на звание корифея...

Среди нескольких художественных произведений М. М. Филиппова особенно выделяются историческая повесть «Остап» и, конечно же, самый первый в России исторический роман, посвященный героической обороне города Севастополя в 1854-1855 годах, об особых достоинствах которого есть смысл поразмышлять. Что же ценно в этом произведении? В 1887 году Филиппов приезжает в Севастополь с пухлой тетрадью, заполненной фрагментами свидетельств живых защитников Черноморской твердыни, с которыми Михаил встречался в молодые годы в Одессе. Уже на месте он пополняет «севастопольское досье» ценнейшими новыми подробностями быта и боевых качеств российских нижних флотских и сухопутных чинов, а также офицеров, адмиралов и генералов – участников героической обороны славного на весь мир города.

Особый интерес вызывает тот факт, что за пять лет до приезда Филиппова в Севастополь выходит в свет «Сборник рукописей, представленных Е. И. В. Государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами». Это издание с особым тщанием штудируется Михаилом Филипповым, и уже в Севастополе он при встрече со здравствующими участниками обороны уточняет отдельные факты. И только после такой проверки они были вмонтированы писателем в канву художественного произведения.

Посему главное достоинство этого исторического романа – достоверность, почти отсутствие в тексте таких вводных слов, как «вероятно», «скорее всего», «может быть»...

В этом плане необходимо сослаться на куда более чем авторитетное мнение Льва Толстого, непосредственного защитника Севастополя, которое было изложено нашим классиком через год после кончины М. М. Филиппова в письме к его жене: «Я прочёл роман вашего покойного мужа «Осаждённый Севастополь» и был поражен богатством исторических подробностей. Человек, прочитавший этот роман, получит совершенно ясное и полное представление не только о Севастопольской осаде, но и о всей войне и причинах её...»

В контексте того, с каким вниманием и с какой дотошностью Михаил Филиппов фильтровал и вводил в ткань художественного сюжета своего романа дотоле малоизвестные (или нежелательные к огласке?) факты, следует обратить внимание на то,

что в советские времена роман М. Филиппова не особо жаловали. Книга не переиздавалась со дня выхода в свет на протяжении около 90 лет...

На титульных листах самого первого издания «Осаждённого Севастополя», хранящегося в севастопольской Морской библиотеке, пять раз дублируется вообще-то поначалу загадочная до-революционная надпечатка: «По пост. К. Д. не выдаётся». Мы с библиографами Морской библиотеки достаточно долго пытались расшифровать эту подоплёку самого факта практически полной изоляции книги от широкой читательской аудитории. И вот что выяснилось. Загадочные две буквы «К. Д.» – это не что иное, как Комитет директоров Морской библиотеки. Выходит, книгу М. М. Филиппова в силу определенных обстоятельств в час «х» задвинули в глубокий спецхран, и она, не иначе, как по указанию свыше, оказалась под запретом. Как уже говорилось, видимо, по идентичным соображениям филипповский «Осаждённый Севастополь» не пришёлся по вкусу и советской цензуре.

Филиппов же не призывал препровождать на плаху царскую семью. Он добивался максимальной достоверности в изображении событий, честно и скрупулёзно обнажая схемы коррумпированности гражданских и военных чиновников, заклинивших своим стремлением к обогащению все ведущие узлы имперской военной машины.

Что же открывается для глаз дотошного историка? 70 лет со дня основания Севастополя строились укрепления в городе, и к началу приснопамятной первой осады сухопутная линия оборонительных стен нашего города вместо 7,5 версты (по утверждённому государем плану!) составляла всего лишь 1,5 версты, что не покрывало и 1/4 всей окружности южного тыла крепости I разряда.

А чего стоят такие факты! О них писал и М. М. Филиппов, их привёл в монографии «Достойный поклонения» и историк П. Ляшук. В России в канун Восточной войны просто проморгали наметившийся недокомплект армейской интеллектуальной элиты – когорты высококлассных артиллеристов, что обусловило явную результативность орудийных атак союзников на бастионах Севастополя.

Армейские тылы зияли прорехами из-за повального грабежа, творимого погрязшими в мздоимстве чиновниками военного ведомства: полушубки в Севастополь поступали летом, продовольствие и фураж разворовывались уже на кордонах Симферополя, павшим в сражениях воинам продолжало исправно

поступать всё необходимое довольствие (к радости казнокрадов). Кстати, есть версия, что Николай I ушёл из жизни вовсе не по-христиански, не пережив позора поражения в Крымской войне. Недаром он категорически запретил эскулапам после своей смерти себя вскрывать и бальзамировать.

А его сын Александр II, ознакомившись с выводами спецкомиссии, расследовавшей причины всех безобразий, которые творились в русской армии, оставившей Севастополь, только и смог сказать: «Жалкая и грустная картина...»

Михаил Филиппов был не только замечательным писателем, публицистом, хроникёром жизни многих атлантов духа Земли, но и обладал редкими талантами в самых удалённых друг от друга сферах естественных наук. В частности, он весьма преуспел в проведении различных лабораторных опытов, избрав, однако, зыбкую алхимическую стезю.

Что это было? Поиск вслепую, наобум некоего случайного «презента» природы или всё же неустанные, целенаправленные усилия учёного, желающего экспериментально доказать некую, неведомую пока никому «золотую формулу»? Думается, скорее всего – второй вариант. И свидетельство тому – таинство стечения всех обстоятельств в высшей степени загадочной, безвременной смерти Михаила Филиппова.

Он ушёл из жизни 45-летним в полном расцвете сил и на пике своего многогранного таланта. За один день до гибели – 24 июня 1903 г. – Филиппов направил в редакцию газеты «Русские ведомости» такое вот послание: «В ранней юности я прочитал у Бокля (Генри Бокль – английский историк, современник Филиппова. – Авт.), что изобретение пороха сделало войны менее кровопролитными. С тех пор меня преследовала мысль о возможности такого изобретения, которое сделало бы войны невозможными... На днях мною сделано открытие, которое фактически упразднит войну. Речь идёт об изобретении мною способа электрической передачи на расстояние волны взрыва. Эта передача возможна на расстоянии в тысячи километров, так что, сделав взрыв в Петербурге, можно передать его действие в Константинополь. При таком ведении войны на расстояниях, мною уже указанных, война становится безумием и должна быть упразднена. Подробности я опубликую осенью в мемуарах Академии наук. Опыты замедляются необычайной опасностью применяемых веществ...»

В день получения в редакции газеты этого письма Михаила Филиппова нашли мёртвым в его квартире на Аптекарском

острове в Петербурге. Он лежал ничком на полу в своей лаборатории на груде разбитых пробирок, колб и котелков. Медики, расследовавшие причины его смерти, просто-напросто юлили в своих резюме, и мощная рука некоего «кукловода» явно направляла их соображения в нужное русло. Светский врач Полянский: «Смерть по неизвестным причинам». Полицейский доктор Решетников: «Паралич сердца».

Полковнику Гельфрейху было поручено произвести экспертизу проводимых Филипповым опытов. Первый отзыв: «Скончался от паров синильной кислоты». Второй: «Жёлтая соль и серная кислота в котелке. Скончался с целью самоотравления». Где же истина?

Все личные документы, записи и вещдоки – приборы, с помощью которых велись опыты, не обнаружены ни в одном из архивов и по сей день. На литературные произведения Филиппова, дабы не привлекать к нему особого внимания, был введён запрет. Можно предположить, кто-то, очень высоко сидящий, 114 лет тому назад наложил строжайшее табу на изобретение Филиппова...

А в прессе и в различных мемуарного плана изданиях России и Европы вот уже на протяжении более чем ста лет циркулируют весьма полярные предположения о том, что же это было за величайшее научное озарение, посетившее сознание М. М. Филиппова в ночь на 25 июня 1903 года? Иные пинкертонны даже договариваются до того, что, мол, автора «Осаждённого Севастополя» осенил дух... великого Леонардо да Винчи. Поистине, кто дешевого пиара ради ищет, откуда ноги растут, тот там и оказывается...

Сегодня реально можно констатировать лишь одно: то, о чём предварительно поведал миру Михаил Филиппов, конечно же, затрагивает интересы всего человечества в самом что ни на есть позитивном плане. Существует запись беседы нашего знаменитого биофизика А. Чижевского с Э. Циолковским. И вот что сказал по поводу таинственного завещания М. Филиппова теоретик отечественной космонавтики: «...Как яркий пацифист, М. М. Филиппов мечтал взорвать весь порох и весь динамит на земном шаре, чтобы покончить с войной раз и навсегда...» То есть налицо благородное стремление автора «Осаждённого Севастополя» превратить человеческую трагедию в надежду.

Как же сегодня учёные классифицируют гипотетическое открытие Филиппова? По мнению самых рационально мыслящих теоретиков идеи передачи энергии на расстояние, налицо син-

тез электроники и физики взрыва. И уже сегодня при помощи генераторов и приёмников излучения в оптическом диапазоне можно осуществить связь на расстояние даже в несколько... световых лет. Однако пока ни один софит не зажётся, питаемый энергией из первоисточника, находящегося всего в километре. Увы...

И всё же... И всё же идея установки некоего «таймера тайны», который призван непременно сработать в определенное время в будущем (далёком, а может быть, и не очень), дабы создать условия для полной победы человечества над хозяевами «ларца Пандоры», где хранятся все бикфордовы шнуры вселенского исчадия ада, порождаемого войнами, так и витает над памятью последнего российского энциклопедиста и сопровождает по жизни самые первые издания «Осаждённого Севастополя».

Пробьёт час, и верится мне, что явится таки ответ на эту «теорему Филиппова». Как, в конце концов, отыскал свою «родину» один из первых экземпляров прижизненного издания романа «Осаждённый Севастополь»: в 1979 году в торжественной обстановке семья Голубовских подарила Морской библиотеке издание этого фолианта 1888 года. Теперь их, выходит, у нас два. Кстати, третья такая же книга на всей территории СНГ находится лишь в архивном хранилище Государственной исторической библиотеки в Москве. Остальные – бесследно исчезли 110 лет тому назад.

...На могильной плите современника Филиппова, известного английского писателя О. Уайльда, отчеканена следующая надпись: «Все мы сидим в сточной канаве, но некоторые из нас смотрят на звёзды». Если попытаться заземлить это, вообще-то, несколько эпатажное изречение, то, наверное, говоря о канаве, автор «Портрета Дориана Грея» имел в виду порочную, гибельную тенденцию нашей цивилизации к самоуничтожению. А в пассаж о звёздах Оскар Уайльд, конечно же, заложил отношение к добру и злу ему подобных людей, страстно мечтающих открыть глаза всему человечеству на неминуемое торжество света над тьмой.

Именно человеком, увлечённо созерцающим звёзды и мечтающим накрыть волной возмездия всех воинствующих на планете, всех «победителей», коих ждёт участь потомков царя Пирра, погрязших в грехе на радиоактивных развалинах, и был автор «Освобождённого Севастополя» Михаил Михайлович Филиппов.